

ПРАВИТЕЛИ
РОССИИ

ЦАРЬ

БОРИС
ГОДУНОВ

Дмитрий Владимирович Лисейцев

Царь Борис Годунов

Серия «Правители России», книга 13

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23318768

Д. В. Лисейцев. Царь Борис Годунов: ИД «Комсомольская правда»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-87107-916-4

Аннотация

Борис Годунов. Один из самых противоречивых царей земли Русской. Умный, дальновидный, сильный, талантливый – с одной стороны. Хитрый, жестокий, гневливый, недоверчивый – с другой.

Он так долго и так целенаправленно стремился к власти, что потратил все физические и духовные силы на этом пути. На царствие ему осталось всего семь лет. Он начал великолепно. Будь он удачливее и сильнее здоровьем, то смог бы привести страну к процветанию. Но немощь, неурожайные годы и пришествие Лжедмитрия поставили крест на всех его мудрых начинаниях...

Содержание

Русский Макбет (эпилог вместо пролога)	5
В тени грозного царя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Лисейцев
Царь Борис Годунов
1552 – 13 апреля 1605

© ИД «Комсомольская правда», 2015 год

* * *

Русский Макбет

(эпилог вместо пролога)

*Я пожил на своем веку. Я дожил
До осени, до желтого листа.
На то, что скрашивает нашу старость —
На преданность, любовь и круг друзей, —
Не вправе я рассчитывать. Проклятья,
Прикрытые трусливой лестью, — вот
Что мне осталось да дыханье жизни,
Которую б не прочь я прекратить...*

В. Шекспир. Макбет

Фёдор Иванович Годунов
(???? – около 1568)

Стефанида Ивановна
(??? – около 1585)

Борис Годунов
Царь и Великий князь всея Руси
(1552 – 13 апреля 1605)

Шел апрель лета Господня от сотворения мира 7119-го, 1611-го от Рождества Христова. Почерневшие от копоти стены Московского Кремля и Китай-города настороженно щетинились стволами пушек, затинных пищалей и копий. Русская столица, точнее, то, что от нее осталось, находилась

во власти командира гарнизона Речи Посполитой, полковника Александра-Корвина Гонсевского, старосты велижского и великого референдария литовского. Со стены Новодевичьего монастыря инокиня Ольга не могла слышать звучащей за Китайгородской стеной иноземной речи, по преимуществу польской, литовской и западнорусской. Зато ей отлично видны были поднимающиеся в пяти верстах к востоку, за Москвой-рекой, многочисленные дымы костров русского воинства, стоящего лагерем у подошвы стен Симонова монастыря. Полки под командой князя Дмитрия Трубецкого, рязанского воеводы Прокопия Ляпунова и казачьего атамана Ивана Заруцкого пришли вызволять из рук неприятеля столицу Московской державы. Древний город лежал в руинах, кое-где еще продолжали пачкать синеву весеннего неба черные струйки дыма совсем недавно бушевавшего пожара, превратившего в пепел большую часть Москвы. Брели по дорогам в Коломну, к Троице, во Владимир, ища пропитания и безопасности, лишившиеся в одночасье крова москвичи. По одной из этих дорог увозили в нижегородское поместье раненного в мартовском бою на Лубянке князя Дмитрия Пожарского.

Инокиня Ольга смотрела на башни сиротствующего вот уже почти год Кремля, хозяином которого недавно был ее отец. Дальше, за Кремлем, в Варсонофьевском монастыре покоились его останки. Там же лежали матушка и брат Фёдор... Мысли Ольги все время возвращались к покойно-

му родителю, которого не стало шесть лет назад, 13 апреля 1605 г. Вспоминалось и то, как 13 лет назад с отцом, матерью и братом жила она здесь же, в келье Новодевичьего монастыря. Только не было на ней тогда иноческого платья, и келья была не в пример богаче убрана. И звали ее тогда не инокиней Ольгой. В той, недавней, но уже такой далекой мирской жизни звалась она царевной Ксенией Борисовной Годуновой.

Российское государство в конце XVI в.

А на другом конце Европы, в Лондоне, обычную городскую суету тех апрельских дней разнообразила интересная людям с положением в обществе новость: в театре «Глобус», что на берегу Темзы, приобретший уже известность сочинитель Вильям Шекспир поставил свою новую трагедию – «Макбет». Герой этой драмы, живший в XI веке шотландский полководец Макбет, предательски убив своего государя Дункана, захватил престол Шотландии и установил в стране тиранические порядки. Однако справедливость восторжествовала – узурпатор погиб в схватке с изгнанным из страны сыном Дункана, Малкольмом.

Пьеса была написана Шекспиром в 1606 г., а описанные им перипетии судьбы главного героя драмы, Макбета, удивительно напоминают жизненный путь умершего годом ранее, в 1605 г., русского царя Бориса Годунова. Годунов, как и герой Шекспира, был мудрым политиком, которому безгранично доверял его предшественник. Борису Годунову молва приписывала убийство его благодетеля, царя Фёдора Ивановича, а также нескольких соперников в борьбе за власть, в числе которых называли и сына царя Ивана Грозного, царевича Дмитрия. Царствование Бориса (как и правление шекспировского Макбета) завершилось гражданской войной, в которой отпрыск прежней правящей династии (Лжедмитрий I, или Малкольм «Макбета») при помощи соседнего го-

сударства (у Шекспира это была Англия, в России эту роль сыграла Речь Посполитая) низвергнул узурпатора и вернул себе отеческий трон.

Не исключено, что, работая над трагедией «Макбет», Шекспир вдохновлялся вестями из далекой Московии. О том, что происходило в России, в Лондоне знали неплохо: в 1605 г. из Москвы вернулось принятое «царем Дмитрием Ивановичем» посольство Томаса Смита; поступали вести и от жившего в русской столице губернатора Московской торговой компании Джона Меррика. В мае 1606 г., когда Шекспир заканчивал работу над «Макбетом», уже была составлена грамота с официальным поздравлением новому царю Дмитрию со вступлением на престол (там еще не знали, что «русский Малкольм», Лжедмитрий I, продержавшись на престоле чуть менее года, в мае 1606 г. был убит).

Борис Годунов, вне всякого сомнения, фигура в высшей степени драматичная. Правда, для русского человека образ царя Бориса ассоциируется в первую очередь не с шекспировским «Макбетом» (кстати, до 1860 г. запрещенным в России к постановке), а с пушкинским «Борисом Годуновым» (находившимся под запретом еще дольше, до 1866 г.). Между тем параллели между шекспировским Макбетом и Борисом Годуновым выглядят настолько заманчивыми, что кто-то даже не удержался от соблазна мистификации (впрочем, довольно наивной и непрофессиональной). Написав в поисковой строке словосочетание «Русский

Макбет», несложно сделать «сенсационное литературное открытие»: оказывается, едва ли не одновременно с Шекспиром некий английский драматург Александр Чедиан написал трагедию «Русский Макбет». Чедиану придумана романтическая биография а-ля Дюма-отец: он якобы был незаконнорожденным сыном чернокожей невольницы и поэта Джайлса Флетчера. Правда, Джайлс Флетчер стихов не писал, его, надо полагать, перепутали с поэтом Джоном Флетчером. Далее автор мистификации намекает, что истинное авторство «Макбета» принадлежит именно Чедиану, у которого Шекспир попросту украл пьесу, заменив в ней русских героев шотландскими персонажами. Не вынеся публикации «своего труда» под фамилией Шекспира, Чедиан выбросился из окна... Что же касается самого текста, то с ним дело обстоит совсем несложно: автор фальсификации, взяв за основу перевод шекспировского «Макбета» Пастернака, заменил в нем Макбета Борисом, леди Макбет – Марией Григорьевной, Малкольма – Дмитрием, Шотландию – Россией, Англию – Польшей, танов – князьями. При этом, правда, допустив несколько совершенно диких хронологических промахов, именуя, например, Бориса Годунова «тамбовским и подольским князем» (до основания Тамбова и Подольска не дожили ни Борис Годунов, ни переживший его на 20 лет Шекспир, ни мифический Чедиан).

Между тем нельзя не признать наличия удивительных сходств и параллелей между шекспировским Макбетом и

формировавшимся в сознании русских и зарубежных авторов рубежа XVI–XVII вв. образом Бориса Годунова. Своего рода «русским Макбетом», царем с нечистой совестью, тревожимым «мальчиками кровавыми в глазах», остается он в восприятии подавляющего большинства людей и сегодня. Но не станем судить царя Бориса, опираясь лишь на свидетельства Пушкина и Мусоргского, а предоставим слово Истории, ведь именно она, как писал Марк Туллий Цицерон, «свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни, вестник старины».

В тени грозного царя

Дело жизни – судить великих людей по результатам.

Результат, так уж повелось, приходит последним, и если действительно хочешь чему-нибудь поучиться у великого, то надо обратить внимание на начало.

Сёрен Обю Кьеркегор

Сильны были на Москве боярские семейства: славны своими богатствами и вотчинами, могучи отрядами челяди и боевых холопов, выступавших с хозяевами в военные походы; велики доверием государей, князей московских, допускаящих их в свое правительство – Боярскую думу. Но более всего крепки были боярские фамилии своими родословиями, которые оберегали издревле пуще любых богатств. Потому что всего мог лишиться попавший в государеву опалу боярин – казны, вотчин, места в думе и даже самой жизни. И лишь родовой чести, дедовской славы и отеческих заслуг не мог отнять у боярина государь. Потому и определялось место боярского рода при дворе не количеством денег в сундуках, не размерами вотчинных владений, не численностью челяди, а древностью рода и честностью службы предков прежним великим государям московским. Оттого и следует повествование о первом наследнике угасшей династии

Рюриковичей, царе Борисе Фёдоровиче Годунове, начать с рассказа о его предках.

Род Годуновых происходил от древнего и некогда знатного боярского корня. Предки будущего царя были боярами в Костромском княжестве, имевшем во второй половине XIII – начале XIV в. весьма сложную и бурную политическую историю. Кострома с прилежащими к ней землями несколько раз переходила из рук в руки, доставаясь поочередно представителям разных ветвей рода князя Всеволода Большое Гнездо. В 1304 г. костромским князем был провозглашен сын московского князя Даниила Александровича, Борис Данилович. Однако в том же году князь Борис был захвачен в плен сторонниками тверских князей, соперничавших с Москвой. Этот переворот вызвал столкновение между костромским вече и сторонниками Твери, в результате которого были убиты несколько бояр, в том числе боярин Александр Зерно, считающийся основателем известных впоследствии боярских родов Вельяминовых-Зерновых, Сабуровых и Годуновых. Надо полагать, Александр Зерно был в числе костромских сторонников тверских князей. Его потомки, Годуновы, продолжали владеть вотчинами под Костромой и через 300 лет после гибели основателя их рода.

Сын боярина Александра, Дмитрий Зерно, оказался на службе московских князей приблизительно через четверть века после гибели отца. В 1328 г. московский князь Иван Данилович Калита получил ярлык на половину Великого кня-

жества Владимирского, в которую входила Кострома. Надо думать, тогда и началась служба боярина Дмитрия Зерна, а затем и его потомков московским государям. Его внук Иван Иванович получил прозвище Годун (значение которого толкуют по-разному: то ли «угодный», «желанный», то ли «глупый»). Именно от него и пошла фамилия Годуновых.

Впрочем, родословная легенда Годуновых в качестве основателя фамилии называла золотоордынского мурзу Чета, выехавшего на службу к Ивану Калите около 1330 г. Именно поэтому Пушкин в трагедии «Борис Годунов» упоминает о татарском происхождении своего героя – «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты...». Исследователи полагают, что легенда о татарском мурзе Чете возникла лишь в последней четверти XVI в. (именно тогда, когда началось стремительное возвышение Годуновых). Зачем же Годуновым понадобилось «сочинять» себе татарского предка, если их настоящие костромские корни уходили в более древние времена? Вероятно, причина была в особенностях местнических счетов между московскими боярскими родами. Семейства, которые не служили никаким другим князьям, кроме московских, в иерархии местнических счетов стояли выше родов, которые до перехода на службу в Москву были слугами других князей. Версия родословной легенды, производившая Годуновых от мурзы Чета, делала эту семью исконными слугами московских князей, тогда как родословие, ведущееся от боярина Александра Зерна, указывало на служ-

бу предков Годуновых костромским и, возможно, тверским князьям. Поэтому вымышленный татарский предок в качестве родоначальника фамилии был предпочтительнее костромского боярина.

Несмотря на то что версия о татарских корнях Годуновых давно и аргументированно отвергнута специалистами по генеалогии российских боярских родов, даже и в наши дни находятся энтузиасты, пытающиеся разглядеть на портретах Бориса Годунова «характерные азиатские скулы». Что особенно забавно, если учитывать одно обстоятельство – прижизненными портретами Бориса Фёдоровича мы не располагаем. Самый ранний из его портретов был написан почти через 70 лет после смерти Годунова, когда уже нельзя было найти ни одного человека, который мог бы составить хотя бы словесное описание внешности этого царя.

В XV – первой половине XVI в. непосредственные предки Бориса Годунова не могли похвастаться высоким положением при дворе московских государей – род, согласно терминологии того времени, «захудал». Правнук Ивана Годуна, Фёдор Иванович Годунов – Кривой (такое прозвище, нередкое у служилых людей XVI–XVII вв., могло указывать на увечье – отсутствие одного глаза), был помещиком Вяземского уезда. Младшим, вторым сыном Фёдора Кривого и был будущий царь, Борис Фёдорович Годунов.

Считается, что Борис Годунов родился в 1552 г., в год взятия русскими войсками Казани. Достоверными сведениями

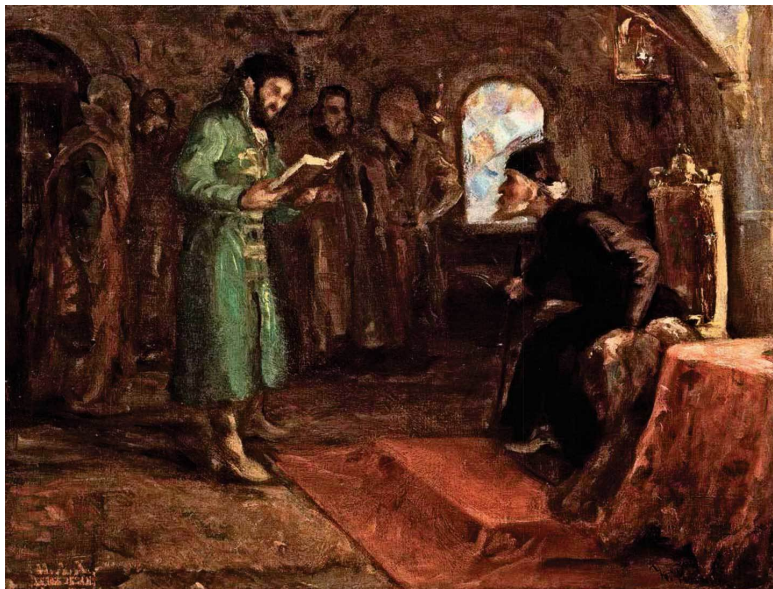
о первых годах жизни Бориса мы не располагаем, впервые обнаруживая его имя в документах в 1567 г., когда ему должно было уже исполниться 15 лет. Пятнадцатилетие для юноши из семьи служилых людей было важным жизненным рубежом, своего рода моментом наступления совершеннолетия: именно в этом возрасте недоросль превращался в новика, то есть начинал служить государю. Свою службу Борис начал при дворе Ивана Грозного, чему, надо полагать, был обязан протекции своего дяди, Дмитрия Ивановича Годунова, служившего с 1567 г. во дворце в чине постельничего (должность важная, подразумевавшая полное доверие со стороны царя и возможность доступа в личные покои государя в любое время дня или ночи). При дворе стала жить и сестра Бориса Фёдоровича, Ирина, которой в будущем предстояло стать супругой царевича Фёдора Ивановича, а затем и царицей. Борис и Ирина долго еще будут практически всем обязаны своему дяде, оставшемуся единственным их близким родственником. Их отец, Фёдор Годунов-Кривой, умер около 1568 г.; после 1571 г. исчезают из документов упоминания об их старшем брате, Василии Фёдоровиче. К 1575 г. он уже определенно умер, поскольку грамота о пожертвовании Годуновыми костромскому (Ипатьевскому) монастырю вотчины написана лишь от лица Бориса Фёдоровича Годунова и его матери, Стефаниды Годуновой. Стефанида через несколько лет после этого приняла постриг под именем Сундулея; к 1585 г. в живых не было и ее.

Первое известное нам упоминание о Борисе Годунове в документах датируется 20 сентября 1567 г., когда Иван Грозный с войсками выступил из Москвы к Троице-Сергиеву монастырю, а оттуда в направлении Новгорода, откуда запланировано было вести боевые действия против «государева недруга» – польского короля Сигизмунда II Августа. Вместе с царем в чине стряпчего в походе принял участие пятнадцатилетний Борис Годунов. Из пяти перечисленных в росписи похода стряпчих он записан последним. Чин стряпчего – вполне обычное начало службы для юноши из знатной семьи, каковым и являлся Борис. Из стряпчих прямая дорога лежала в государевы стольники, которые, как и стряпчие, должны были находиться в услужении у государя. Разница между стряпчим и стольником при дворе была скорее возрастная, чем должностная – стряпчими были в большинстве едва начавшие службу молодые новики, в то время как стольники – люди уже более солидного возраста (в силу этого они чаще получали назначения на службу за пределами дворца).

Карьера Бориса Годунова начиналась в годы опричнины, в которую он, как и прочие вяземские вотчинники, должен был попасть вместе со всей своей родней (Вяземский уезд был взят Иваном Грозным в опричнину сразу, в момент ее учреждения в 1565 г.). Годуновы были вотчинниками и в Костромском уезде, который также был взят царем Иваном в опричнину, хотя и несколько позже, в начале 1567 г., примерно за полгода до первого известного нам упоминания

о службе Бориса Годунова. Около этого же времени Иван Грозный переехал жить на свой опричный двор в Москве, между Арбатом и Никитской улицей. Надо полагать, что именно там и начиналась придворная служба Бориса Годунова.

Между первым и вторым упоминаниями о Борисе Годунове лежит отрезок времени протяженностью в три года. Чем были заполнены они для молодого опричника, с точностью сказать невозможно. Однако, вероятнее всего, на его глазах, а может быть, и с его участием разворачивались самые кровавые события этого периода: расправа с боярином И. П. Челядниным, митрополитом Филиппом Колычевым, семьей князя Владимира Андреевича Старицкого, новгородский и псковский погромы и, наконец, массовые казни в Москве летом 1570 г. Вряд ли мы можем согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Борис Годунов «не замарался» службой в опричнине: сложно было подниматься наверх на глазах у лютующего царя, не испачкав рук кровью. Как вообще трудно поверить в то, что опричник мог оставаться в стороне от казней, в которых были задействованы его «братья по опричному монашескому ордену». Тем более что именно в эти годы стремительно упрочивались позиции будущего тестя Бориса Годунова, «опричного пономаря» Малюты Скуратова (именно он задушил митрополита Филиппа и «отличился» искоренением «крамолы» среди новгородцев).

«Борис Годунов у Ивана Грозного». Художник И. Е. Репин

Второе достоверное свидетельство о жизненном пути Бориса Годунова относится к 16 сентября 1570 г., когда Иван Грозный по полученным с южных рубежей вестям двинулся из Александровой слободы в поход против крымского хана Девлет-Гирея, люди которого двигались в направлении Тулы. Царь был намерен «искати прямово дела», т. е. открытого столкновения с крымчаками в полевом сражении. В этом

походе Борис Годунов был назначен сопровождать царевича Ивана Ивановича – «быть у царевича с рогатиной». Здесь 18-летний опричник впервые выступил с местнической претензией к другому придворному – князю Фёдору Сицкому, который получил, по понятиям того времени, более почетное место – «быть у царевича с копьем». Отметим, что для родовитого человека XVI–XVII вв. местнические конфликты – споры о местах в военных походах, дипломатических церемониях, за столом у государя – были отнюдь не банальным способом потешить свое родовое самолюбие, уязвив достоинство более худородного соперника. Местничество было целым политическим институтом, бороться с которым была бессильна даже самодержавная власть московских царей. Потому что государь мог жаловать (равно как и отбирать, и притом вместе с жизнью) вотчины и чины, но не мог сделать один род «честнее», выше другого. Вступая в местнический конфликт, служилый человек не только определял свое место в кругу других членов государева двора: он одновременно стоял за честь своих предков и обеспечивал достойное место потомкам. Свою первую местническую схватку Борис Годунов выиграл: Иван Грозный в этом споре поддержал молодого любимца, и от участия в походе Борис Фёдорович был освобожден, что избавляло его от урона родовой чести. Он не был в походе честью ниже Сицкого, а значит, и род Годуновых не был поставлен ниже князей Сицких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.